

СЫН ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА

140 лет назад, в 1880 году, в Барнауле родился Николай Шубкин. Он станет автором книги «Повседневная жизнь старой русской гимназии», изданной по дневникам учителя словесности дореволюционной гимназии. Впрочем, и иных заслуг перед Отечеством у него немало.

Но рассказ о семье стоит начать не с Николая, а с его отца. Феоктист Шубкин был личностью весьма незаурядной. Крестьянский отпрыск, он вышел из среды алтайских горнорабочих. После реформы 1861 года, освободившей крестьян от крепостной зависимости, возник большой спрос на землемеров. Межевое ведомство начало обучать мальчиков из помещичьих крестьян практическому землемерию. Брели далеко не каждого, отбирали смекалистых, толковых и выносливых. Им нужно было знать межевые законы, а для этого владеть грамотой, математическими знаниями, разбираться в черчении и картографии и при этом иметь хорошую физическую форму. Феоктист этим качеством соответствовал.

Выучившись, он получил должность землемера в Барнауле. Во второй половине XIX века город бурно расширился, прирастал пригородом, работы у землемеров было много. Шубкин успевал, служил исправно, пользовался уважением. Был среди лучших в своем деле, да и, похоже, не чурался общественных инициатив. Не зря же был удостоен звания почетного гражданина Барнаула — такое не каждому дано.

Но при этом семья имела довольно скромный доход, и способному к наукам Николаю пришлось оставить мечты об университете. В 1901 году он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию: там платили стипендию и давали возможность получить не только богословскую специальность, но и светскую. Окончив заведение, Николай вернулся в родной город, поступил на службу в женскую гимназию, преподавал русский язык и литературу. Потом работал в мужской гимназии, а после установления советской власти — в средних школах. Некоторую пору трудился

сразу в трех учебных заведениях. Его жена Валентина Андреевна тоже была учительницей. В семье воспитывался сын Володя.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Как следует из энциклопедии Барнаула, Николай Шубкин не оставался в стороне практически ни от одного из вопросов, касающихся обучения детей или жизни педагогов. Состоял гласным городской думы — избирался гражданами и обладал решающим голосом в законодательном органе Барнаула. Какой-то период заведовал городским отделом образования. Кроме того, избирался председателем правления Учительского союза, Общества вспомоществования беднейшим учащимся средних учебных заведений Барнаула, директором народной гимназии Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

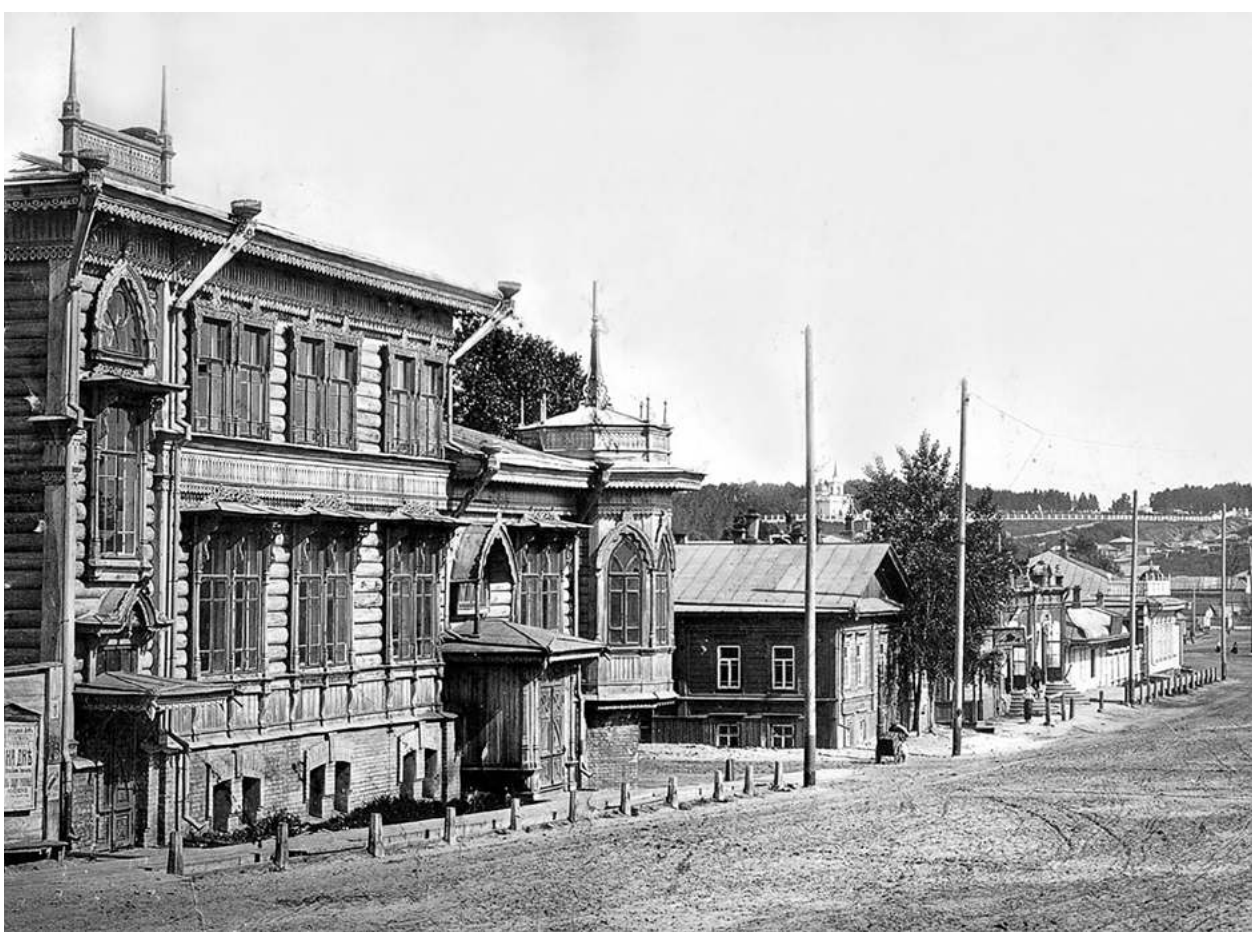
Волновали педагога проблемы и других сторон жизни. Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война принесла много горя. Воевать уходили здоровые, сильные, а среди тех, кто возвращался с фронтов, было немало

Н.Ф. Шубкин
«Повседневная жизнь
старой русской гимназии»

Николай Шубкин.
Все фотографии
предоставлены автором

Женская гимназия Будкевич. В Барнауле начала XX века система образования была достаточно развита

покалеченных. Сибирское общество помощи раненым и увечным воинам, активным членом Барнаульского отделения которого был Шубкин, помогало фронтовикам приспособиться к мирной жизни. В Барнауле воины помимо санитарной и материальной помощи получали возможность пройти обучение, а затем получить специальность и зарабатывать своим трудом на жизнь — свою и своей семьи.

При столь высокой занятости на общественных делах Николай Феоктистович никогда не оставлял преподавательскую работу.

1937 год стал для семьи роковым. Шубкина арестовали по ложному доносу и расстреляли по внесудебному решению «тройки». Желу уволили с работы, а двенадцатилетнего сына исключили из школы. Лишь через восемь месяцев после обращений в разные инстанции пришло указание восстановить Валентину Андреевну в учительстве, а Володю вернуть в класс.

ДНЕВНИК СЛОВЕСНИКА

Сложно пришлось Владимиру Шубкину проби-вать себе жизненную дорогу с клеймом сына врага народа, но о том, чтобы отказаться от имени отца, у него и мыслей не было. Владимир всячески старался доказать отцовскую невиновность, но лишь в середине 1950 годов добился полной реабилитации. Сын не только сохранил дневниковые записки отца, но и опубликовал их. Так через 80 лет пробился к читателю «Дневник словесника». Записки охватывают период с 1911 по 1915 год и дают возможность взглянуть на систему образования того времени, как говорится, изнутри. Между тем мысли, записанные больше века назад в восемь школьных тетрадей, могут быть

интересны и полезны тем, кто сегодня трудится в системе образования.

Из предисловия к книге: «Дневник словесника» показывает, как осознавали себя, свою деятельность, свою страну русские интеллигенты тех лет... Он любопытен и как социально-педагогический документ, рисующий

Владимир Шубкин

как бы изнутри жизнь предреволюционной школы в заштатном сибирском городке. Публикуемые записки — подлинный документ своей эпохи. И вместе с тем это напоминание о непреходящей ценности социально-нравственных функций, исполнять которые призваны люди этой профессии, этой судьбы».

Описывая и анализируя всевозможные проблемы, Николай Феоктистович в самом педагогическом труде не разочаровывался, подчеркивая, что «самое дело мне с каждым годом все больше нравится». Он был из числа тех педагогов, кто перешел из дореволюционной школы в советскую, взяв все лучшее, что помогало воспитывать и формировать личность.

«Стремление к господству над мыслями, душами и телами учеников представляет собой своеобразный пережиток крепостничества в школьном деле, — размышляет Шубкин о взаимоотношении педагога и ученика. — А это ведет, во-первых, к воспитанию пассивных, лишенных инициативы навыков самоуправления людей. Во-вторых, такая система с малых лет и в массовом масштабе воспроизводит отчуждение учащихся от школы, от совместного труда и совместной ответственности, от общества. В-третьих, это неминуемо ведет к тому, что единственным доступным средством самозащиты могут быть слепые вспышки гнева, истерии, ненависти, которые грозят превратиться в социально наследуемые черты характера».

Для автора записок важно, чтобы учитель постоянно обновлял багаж своих знаний и чтобы ему было что передать ученикам. Но невероятная нагрузка на учителя в школах той поры таких условий не создавала. И он негодует: «Когда же, наконец, наши педагоги получат возможность читать, хотя бы по своей специальности, в обычное учебное время, а не в виде какой-то праздничной награды — два-три раза в год? Ведь это не роскошь для нас, а предмет первой необходимости!»

Рассматривая факты своих профессиональных неудач, с которыми Николай Феоктистович столкнулся при переходе из женской гимназии в мужскую, он как бы раскладывает произошедшее по полочкам: почему так поступили ученики, что следовало сделать учителю, как изменить ситуацию? Указывает и на неверный подход родителей к процессу. «Но более странно,

когда с необоснованными претензиями насчет отметок лезут не ученики, а люди взрослые и солидные — их родители».

Много и других интересных фактов и мыслей содержит «Дневник словесника».

ВЗГЛЯД УЧЕНИКА

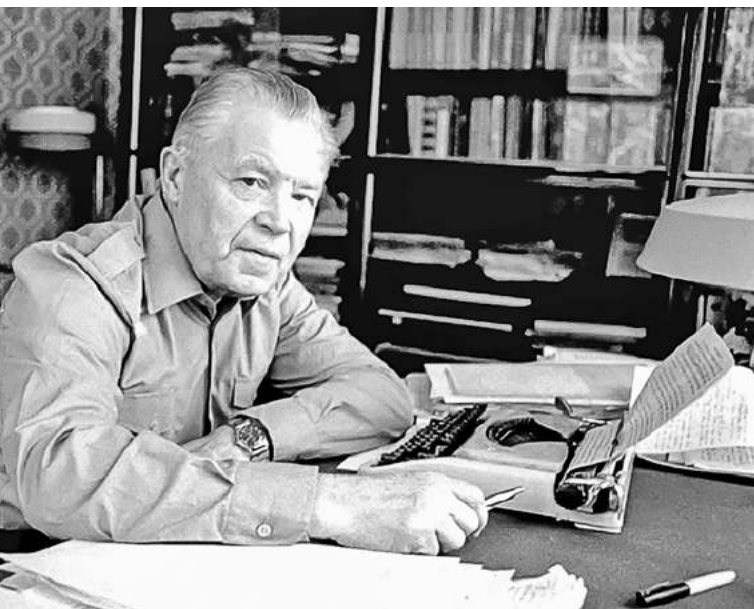
Публикации записок Шубкина во многом способствовали известности писателя Сергей Залыгин. Его детство и юность прошли в Барнауле, он бывал в доме Шубкиных, учился у «милейшей» Валентины Андреевны. В предисловии к публикации «Дневника словесника» в журнале «Новый мир» Сергей Павлович писал: «Мы получим общее представление о том, чем было это учебное заведение — женская гимназия, кое-что узнаем о провинциальных нравах той поры и, конечно, о самом авторе — человеке, безусловно, порядочном, преданном своему делу». Залыгин вспоминает, как жила семья Шубкиных: «Крохотный такой домишко из пережженного пестрого кирпича на улице Никитинской (бывшей Бийской). В 1914 и особенно 1917 годах в Барнауле были грандиозные пожары, и вот, разбирая так называемые погорелки, местные жители и строили из остатков свои жилища». И почти аскетическая бытовая обстановка: «...ничего кроме предметов самых необходимых, топором рубленных столов, стульев, книжных полок и кроватей».

Тут же Сергей Залыгин вспоминает и других барнаульских учителей. «Был у нас географ Порфирий Алексеевич Казанцев (речь идет о Порфирии Казанском. — Н. Г.), человек, увлеченный эсперанто, поэт, в прошлом еще и редактор одной из местных газет. Свои уроки он вел просто, легко, показывал нам сотни открыток с пейзажами, которые он получал от коллег-эсперантистов со всего света. У нас география была как бы не в счет; на уроках — смех, шутки, «неудовлетворительно» наш Порфиша никогда и никому не ставил. Но вот что потом выяснилось: что географию-то мы любим и знаем...»

Об ученом Викторе Ивановиче Верещагине Залыгин писал, что тот свой предмет — ботанику — вел «дельно, суховаго». Но «...весь его облик и манера поведения, занятия, которые он проводил почти что шепотом, — все это внушало к нему такую почтительность, чуть ли не благоговение, при которых получить у него «неуд» значило нанести самому себе душевную рану».

СОЦИОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

21 июня 1941 года в Барнауле звучал последний школьный вальс. А завтра была война... Выпускника-отличника, спортсмена Владимира Шубкина в армию (он рвался добровольцем) не взяли — «неблагонадежный». Его отправили в степи, в стройбат под Новосибирском. И все же, вернувшись в Барнаул, он уговорил начальника штаба комплектовавшейся здесь части взять его. У него было исключительное среди солдат — среднее — образование, с таким люди попадали как минимум в лейтенанты, а он прошел войну наводчиком 76-миллиметрового орудия. Весной 1942-го под Сталинградом принял боевое крещение и получил ранение. Уже в мирное время напишет свой пронзительный с множеством деталей рассказ «Один день войны», посвященный тем событиям. Потом был штурм Перекопа. В боях за Севастополь в апреле 1944 года Владимир Николаевич тяжело ранен, выжил чудом, о чем рассказал в повести «Пашкин подарок»: незнакомый солдат дотащил раненого старшину до медсанбата. Но из армии списали вчистую.

Сергей Залыгин

Владимир Шубкин

В Барнаул Шубкин вернулся 23-летним инвалидом. Поступил в эвакуированный сюда Ленинградский инженерно-строительный институт, вместе с вузом переехал в город на Неве. Но вчерашнего фронтовика интересовало устройство общества, а не техники. И он снова круто меняет жизнь, поступая в МГУ на экономический факультет, который успешно заканчивает в 1951 году.

Шубкин-младший был неплохим экономистом, даже защитил кандидатскую диссертацию. Но в начале 1960-х он вновь делает крутой вираж и вместе с женой Ириной принимает предложение ехать из столицы в Новосибирск, в строившийся Академгородок. Тогда-то, как пишут его коллеги, он и «приступил к теперь уже давно признанному классикой исследованию профессиональных траекторий молодежи». Он стал основоположником социологической школы, ученики которой продолжают его дело на всем постсоветском пространстве, в том числе и в родном Барнауле.

— С именем Владимира Шубкина я впервые столкнулся еще в студенческие годы в 1992, обучаясь на первом курсе социологического факультета АГУ, — вспоминает Виктор Нагайцев, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета. — На учебной практике мой научный руководитель профессор Юрий Ефимович Растов дал нам задание провести анкетирование старшеклассников школы № 85 Барнаула по исследовательской методике Шубкина «Молодежь вступает в жизнь». А в 2003 году познакомился с Владимиром Николаевичем лично в Москве на II Всероссийском социологическом конгрессе. Он был уже признанным авторитетом в социологии, а я только что защитившим кандидатскую диссертацию молодым преподавателем из его родного Барнаула. Мне он запомнился добрым и сразу располагающим к себе человеком.

Становлению молодежи, поиску своего места в жизни посвятил Шубкин-младший большую часть жизни, став одним из основоположников современной российской социологии. Организатор и первый председатель Сибирского отделения национальной социологической ассоциации, он разработал методику, которая легла в основу лонгитюдных исследований молодежи в СССР в 1970–1980 годах. Шубкин — автор более 200 научных публикаций, которые являются

классикой отечественной социологии и переведены на многие языки.

В 1978 году много шума и споров вызвало опубликованное в журнале «Новый мир» эссе «Пределы». Его автор Владимир Шубкин одним из первых в стране заговорил о том, что социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке.

— Его обращение к социологии молодежи было вызвано желанием сказать о проблемах, которых многие не видели, а многие принципиально не хотели видеть, — отмечает Виктор Нагайцев. — Так, исследуя, казалось бы, совсем не взрывную тему — отношение молодежи к профессиям, Шубкин первым доказал существование реального социального расслоения в советском обществе. Он показал: дочери и сыновья номенклатуры поголовно поступали в престижные вузы, а дети из рабочих семей по преимуществу оказывались в профессионально-технических училищах и техникумах. Он также первым в социологии указал на прямую связь уровня образования населения и уровня развития демократии в обществе. Шубкин был сторонником использования математики при изучении социальных проблем общества, и во многом благодаря его активности в 1960-х вышла первая книга о количественных методах в социологии. Благодаря этому создававшиеся социологические коллективы стали искать научных контактов с математиками.

Исследования доктора социологических наук, профессора Шубкина имели практические применения. Один из примеров: в республиках и областях были дополнительно изысканы рабочие места, расширен прием в вузы, техникумы, ПТУ. Все это действительно дало амортизирующий эффект — позволило смягчить проблемы как для юношей и девушек, вступавших в жизнь, так и для общества в целом.

В конце столетия Владимир Шубкин работал в Москве — в Академии наук. В Барнаул приезжал при первом удобном случае. На протяжении всей жизни он обращался к запискам своего отца. Став социологом, находил в них идеи и подтверждения своим мыслям.

В мае 2010 года, уже будучи серьезно больным, Владимир Николаевич получил серебряную медаль имени Питирима Сорокина за вклад в отечественную социологическую науку. Приняв ее из рук друзей, по фронтальному обычаю окунул награду в стакан с водкой. ■